

Солнце начало опускаться, а тени строений и людей немного наклонились.

Не были исключением и прямоугольные тени школьных корпусов Академии Такаакита в западном Токио.

В тени за общим корпусом 2-го года обучения в западной части академии угадывались два силуэта.

Они принадлежали Брюнхильд и черному коту.

Брюнхильд не мешала коту говорить, когда тот хватал ртом воздух. Он разлегся на животе и тихо сказал:

— Фух, я не думаю, что когда-либо в жизни так паниковал. Я следовал за своей целью наблюдения и попал в перестрелку. И я определённо не ожидал, что они ни с того ни с сего на меня нападут. Мне не следовало заходить туда в этой форме.

— Если подумать, ты можешь стать котом с самым активным участием в истории 1-го Гира. Так или иначе, я рада, что тебе удалось сбежать.

— Ты волновалась обо мне? Спасибо.

— Да. Будет очень жаль потерять удивительные отношения, которые мы построили вместе.

— Я только что узнал, что у слова «удивительный» есть еще одно значение, — откликнулся кот, вздохнув.

— А теперь,— промолвила Брюнхильд, — что это там за такой срочный доклад, что тебе пришлось остановить меня на пути в столовую?

— Фракция Королевского Дворца сдалась. Ястребы явились полным составом, но они потерпели поражение.

— Они проиграли? В своем полном составе? Кого USAT туда послало?

— Наверняка ты уже в курсе. За кем, по-твоему, я наблюдал? Террористическая атака фракции Королевского Дворца оказалась просто эффектным бонусом, на который я наткнулся, его преследуя. ...В сражении принял участие Он.

Брюнхильд прошептала имя их цели наблюдения, словно в подтверждение:

—...Зигфрид Зонбург.

— Да, но он был только гостем. Он не входил в состав основных сил.

Лицо Брюнхильд на этих словах напряглось. Черный кот ухмыльнулся и продолжил говорить:

— Похоже, президент, вице-президент и казначей школьного совета этой школы — часть Отряда Левиафана. Выглядело так, будто Кукла тоже приняла участие в качестве гостя. Что ты собираешься делать?

— Ты еще и спрашиваешь? Если они наши враги, я буду сражаться с ними, когда до этого дойдет.

В ответ кот замолчал. Он замедлил дыхание и поднял взор на Брюнхильд.

Наконец, он заговорил:

— А ты и вправду сможешь? Я, конечно, тебя знаю, но у тебя нет причин с ними враждовать.

— Если они наши враги, у меня не остается выбора.

— Они могут пройти мимо тебя в холле и поздороваться.

— Ты думаешь, они станут здороваться со мной на поле боя? — спросила Брюнхильд, и черный кот уставился на своего хозяина.

— И правда, — кивнул он через некоторое время. Кот опустил взгляд и тихонько добавил, — Но ведь ты такой человек, что до сих пор вспоминает песню, которой Зигфрид тебя научил.

Брюнхильд вздохнула, поместила руки на колени и покачала головой.

— Я не знаю, чего ты этим добиваешься, но не беспокой меня понапрасну. — На секунду задумавшись, она проговорила коту, что поник головой. — Даже если они могут стать моими врагами на поле боя, Отряд Левиафана все еще в процессе формирования, верно? Зигфрид — совсем другое дело, но нет никаких гарантий, что все остальные станут моими врагами, верно?

— Верно. Вице-президенту еще очень многое должны объяснить. Отряд Левиафана еще не собран в полной мере.

— Значит, мы не знаем, что произойдет. В отличие от Зигфрида, уничтожившего 1-й Гир, они все еще не полноценные бойцы. Я не буду пытаться убить кого-то вроде них.

— Да... Это было бы славно.

Черный кот поднял голову, и Брюнхильд взглянула на него с невозмутимым выражением лица.

Она осталась безмолвной, потому кот отметил:

— Разве у нас не удивительные отношения?

— Но тебе не стоит самому так говорить, — Брюнхильд поднесла руку к щеке и горько улыбнулась. Через секунду она опустила ее вниз. — Но фракция Королевского Дворца, скорее всего, присоединится к мирной фракции, от которой они изначально откололись. И USAT, скорее всего, порекомендует им так поступить. Чтобы подготовить сцену для переговоров с нами, им нужно усилить мирную фракцию как посредника.

— Всё становится запутанней.

— Да. Но фракция Королевского Дворца поистине жалкая. Если битвы такого масштаба достаточно, чтобы их удовлетворить, им нужно было прекратить сражаться давным-давно. Они, должно быть, всегда тайно желали вернуться в мирную фракцию.

— Выходит, они затеяли весь этот переполох исключительно для того, чтобы их захватили, и они могли помириться с мирной фракцией, при этом сохранив свои принципы? И это все? Но почему?

— Гордость. Вот почему. ...И как раз поэтому мне нельзя над ними насмехаться. Фракция Королевского Дворца восстановила часть того, что мы потеряли в тот день, когда нас уничтожили. У нас нет даже этого, потому нам не о чем больше разговаривать. А теперь пошли.

Кивнув, Брюнхильд зашагала в сторону столовой.

Чтобы не дать коту говорить, Брюнхильд сжала синий камушек в правой руке и начала писать что-то в воздухе.

Но она остановилась, услышав слабый звук.

— Чириканье? — спросила она.

Черный кот обернулся и сказал:

— Там.

Он смотрел на шеренгу деревьев перед общим корпусом 3-го года.

От земли под этими деревьями доносилось пронзительное чирикание.

Брюнхильд пробежалась к ним и увидела источник. У основания дерева вполне оперившийся, но еще молодой птенец непрерывно и бесплодно махал крылышками.

В лучах послеполуденного солнца чириканье продолжалось.

В зоне отдыха, к востоку от травянистой местности, на лавочке сидели Саяма и Ооширо.

Синдзё отправилась доложить ситуацию, так что ее с ними не было. Саяма по этому поводу слабо вздохнул.

Обстановка вокруг них не отличалась от той, что была до атаки 1-го Гира.

Стена не раскрошилась, и зона отдыха осталась целой. Факт, что это все произошло в Концептуальном Пространстве, только сейчас достиг сознания Саямы.

Куда бы он ни посмотрел, вокруг носились люди в разнообразных униформах. То были работники UCAT.

После сражения рыцарь со своими соратниками сдались, а Концептуальное Пространство нейтрализовали и высвободили. В тоже время машины UCAT прибыли через Ворота Сакасита на восточной стороне Императорского Дворца. Различные автомобили маскировались под службу доставки, садовников, грузчиков, охранные фирмы и т.п.

Люди, вышедшие из машин, оделись соответственно камуфляжу. Как следствие, их униформа не согласовывалась между собой.

Из того, что Саяма разглядел, служба доставки являлась следственной группой, садовники были медиками, а грузчики оказались командой техобслуживания. Неудивительно, что охранный фирма занялась охраной входа на открытую местность.

Рыцаря и его соратников увели те, кто носил форму службы доставки. Пока Саяма за ними наблюдал, Ооширо Казуо заговорил со своего места слева от Саямы.

— Они принадлежали к радикальной фракции 1-го Гира.

— Ты сказал, что я проведу предварительные переговоры с мирной фракцией завтра, но там положение такое же опасное, как и тут?

— Не волнуйся. Мирная фракция хочет договориться. Однако...

— Однако? — переспросил Саяма.

Ооширо поднял два пальца правой руки, когда позади него прошли рабочие в форме.

— Я так понимаю, ты уже слышал от Синдзё-кун, что 1-й Гир имеет два Концептуальных Ядра?

— Я слышал, что они запечатаны: одно в мече, а второе — в чем-то под названием механический дракон.

— Верно. Первое — в священном мече Грам, который хранится в западном отделении штаб-квартиры UCAT, под штаб-квартирой ИАИ. Второе... ну, внутри Фафнира Возрожденного, механического дракона, принадлежащего Городской фракции. Это самая обширная радикальная группа, и в данный момент нам неизвестно их местоположение. Модифицированный механический дракон, предположительно, наделен отдельными реакторами для движения и вооружения, и Концептуальное Ядро запечатано в реакторе вооружения. Это большая проблема.

— Фафнир, ты сказал?

Саяма ранее слышал имена Грам и Фафнир.

... Они из Европейской эпической поэмы.

— Это из «Кольца Нибелунга»[□]«Кольцо нибелунга» (нем. Der Ring des Nibelungen; Nibelungen — «дети тумана») — название цикла из четырёх эпических опер, основанных на реконструкциях германской мифологии, на исландских сагах и средневековой поэме «Песнь о Нибелунгах», не так ли? Мой дед однажды водил меня на оперу по мотивам той истории. Наши мнения разделились, так что мы устроили кулачный бой по возвращении домой. ...Но как это всё связано?

— Это незначительная деталь, которую я объясню позже. Так или иначе, твой истинный противник на переговорах — радикальная фракция, обладающая другим Концептуальным Ядром. Когда это случится...

— Было бы лучше, чтобы мирная фракция выступила в качестве посредника. Вот с какой целью завтрашние предварительные переговоры?

— Именно. Сделай все возможное, чтобы не вызвать никаких столкновений. ...Все, чего мы хотим — это получить от них концепты и затем их активировать. Многие наверняка выступят против этой идеи, но в качестве извинения за разрушение всех остальных Гиров, у нас нет никакого намерения развязывать вторую войну.

Ооширо поднял большой палец, но Саяма это проигнорировал.

— Что ж, — сказал Саяма. — Короче говоря, вы хотите, чтобы я положил конец былой вражде, получил разрешение на высвобождение концептов и не дал миру зайти слишком далеко в отрицательном направлении? Весьма подходящую задачку решили вы на меня возложить.

— Путь Левиафана — это серия переговоров, до этого конца, — затем Ооширо поднял пять пальцев. — Саяма Каору, твой дед, наложил пять ограничений на Путь Левиафана, — он загнул большой палец. — Первое. В твоих поисках сотрудничающим представителям каждого Гира не разрешается раскрывать информацию о любом Гире, за исключением их собственного. К тому же, любая информация, связанная с уничтожением Гиров, должна быть расследована и установлена тобой и теми, кто тебе помогает. Никто другой не имеет права тебя направлять.

При этих словах Ооширо пристально взглянул на Саяму.

— Есть какие-нибудь вопросы?

— Я намерен задать все мои вопросы, когда ты закончишь. Тебя это устроит?

— Тебя не стоило недооценивать, — Ооширо слегка улыбнулся и загнул указательный палец. — Второе. Членам USAT запрещается раскрывать или направлять тебя к любой информации, касающейся Гиров или их уничтожения, за исключением той, что предоставлена до начала Пути Левиафана, и той, что необходима для знакомства с представителями дружественных Гиров, — он загнул средний палец. — Третье. Все дополнительные помощники будут игнорироваться, но никого нельзя принуждать к помощи, — он загнул безымянный палец. — Четвертое. Если ты решишь действовать, USAT окажет содействие со всей полнотой наших возможностей, — наконец, он загнул мизинец. — Переговоры с 6-м и 10-м Гиром уже завершены, поэтому ты сосредоточишься на остальных Гирах вместо того, чтобы повторять переговоры с этими двумя Гирами. Всё должно быть завершено как можно скорее и любыми доступными средствами.

Закончив объяснение, Ооширо слегка развел руки вниз и наклонил голову:

— Что ты об этом думаешь?

Саяма кивнул, поднес руку к подбородку и ответил:

— Если я выражусь прямо, это вызовет трудности, поэтому постараюсь подойти окольным

путем: мой дед что, идиот?

— О, замечательно сказано. Что, если и мне начать издалека? — Ооширо ухватился руками за голову, — За что!

— Я, пожалуй, проигнорирую это и продолжу...

—...

— Он говорит мне вести переговоры, но отказывается давать любую информацию о противнике, говоря, чтобы я просто разбирался на ходу? Что он планирует делать, если из-за своего неведения я допущу какую-то ужасную ошибку? Ему следует просто провалиться в ад. ...Хотя, пожалуй, он уже там.

— Успокойся и выслушай. Тебя будут время от времени знакомить с различными представителями Гиров, поддерживающими Путь Левиафана. И чего твой дед действительно хотел — так это чтобы ты получил опыт, а не простое знание о прошлом. ...Баку в твоём кармане — его же идея.

После чего Ооширо вытянул руку и погладил Баку по голове.

В ответ Саяма произнес:

— До того, как мы начнем говорить об идеях, я по-прежнему не верю всему насчет этой ситуации.

Саяма горько улыбнулся, когда вдруг обнаружил, что он мотивирован на это дело, несмотря на свои жалобы.

Я не успокоился, подумал он. Я по-прежнему на стадии принятия решения: буду ли я участвовать, или нет.

Эта мысль его успокоила. Он до сих пор не решил, примет ли он полномочия, оставленные ему по наследству. Оставалось еще много непонятного, и он находился только на первой стадии, где его обучали множеству различных вещей. Наибольшую проблему Саяма видел во фразе «любимыми доступными средствами». Значит, заранее предполагалось, что жизни будут забраны и потеряны.

Правда в том, что нет никакой гарантии, что все разрешится на словах, когда радикальная фракция обладает Концептуальным Ядром.

Путь Левиафана — это переговоры, цель которых — предотвращение падения мира под

отрицательными концептами и его разрушения.

Это означало, что сражение нельзя сбрасывать со счетов, и это стоило определенного риска. Однако...

... Но смогу ли я это сделать?

Саяма сомневался.

На этот вопрос он не мог ответить, просто задумавшись. Раз так, он покачал головой.

Для смены темпа он спросил Ооширо кое о чем, что волновало его насчет 1-го Гира.

— Я хочу услышать подробнее о том, что мы ранее упоминали. Во время битвы я видел название «Королевство Вотана»[□]Вóтан — второе имя Одина — верховного бога в германо-скандинавской мифологии. на книге, заряженной в винтовку рыцаря. А теперь ты назвал священный меч Грам и Фафнир. Разве это не...

— Эти имена из эпической поэмы «Песнь о Нибелунгах», распространившейся по Северной Европе и Германии, и из «Саги о Вёлсунгах», норвежской легенде, на которой она базируется.

Объяснение прозвучало от голоса позади и слева от Саямы. То был Зигфрид.

Саяма обернулся и обнаружил Зигфрида, стоящего между Изумо и Казами. Они уже сняли свое снаряжение, которое сложили в передвижной закулочной окономияки[□]Окономияки (яп. □□□□?) — популярное японское блюдо из разряда «фастфуда», жареная лепёшка из смеси разнообразных ингредиентов, смазанная специальным соусом и посыпанная очень тонко нарезанным сушёным тунцом.

Саяма уставился на эту троицу и спросил:

— Как такое возможно? Почему 1-й Гир, альтернативный мир, использует те же слова, что и эпическая поэма нашего мира?

— С чего Вы так убеждены, что она происходит из нашего мира?

Саяма от этого утратил дар речи. Зигфрид кивнул и продолжил:

— Институт Авиации Изумо когда-то основал Департамент Национальной Обороны, для

которого отобрал опытных исследователей и летчиков-испытателей. Из Германии прибыл «Чародей» и отправился на модификацию лей-линий. Однако, при постройке объектов, призванных соединить Японию с миром и перенести энергию мира в Японию, в разных частях Японии произошли необычайные феномены.

— Необычайные феномены?

— Едва лей-линии соединились, в Японии появились чудовища и миры, бывшие легендами в разных частях Земли. Изменения в лей-линиях привели к увеличению скорости соединения с прочими Гирами. В десяти разных локациях в Японии неоднократно открывались Концептуальные Пространства, и мы периодически с ними сталкивались. И тогда мы кое-что осознали, — Зигфрид вздохнул. — Культуры десяти остальных Гиров, появляющихся в десяти локациях, где модифицировали японские лей-линии, существенно напоминали легенды, мифы и культуры регионов, которым эти лей-линии соответствовали.

— Вы хотите сказать...

На этот раз ответила Казами.

— О-хо-хо, — сказала она сперва, подняв обе ладони. — Так и есть. С того момента, как Лоу-Гир начал существовать, он пересекался с прочими Гирами несколько раз, и это создало некоторую связь. Лоу-Гир — это место, где находятся отрицательные концепты всех Гиров, но это наделило нас особенностями культур со всех прочих Гиров, — затем Казами прошла перед Зигфридом и положила руку на плечо Изумо. И, — Как бы то ни было, определенные обстоятельства привели к тому, что я стала членом UCAT. Разницу в физической силе можно без проблем преодолеть в Концептуальных Пространствах. ...Саяма, а почему ты ввязался во все это?

— Я не знаю. У меня по-прежнему нет причины.

— Понятно, — произнесла Казами, кивнув. Она сложила правую руку в форме пистолета и прицелилась ему в лоб, — вчера ночью мы тоже были в том лесу. Именно я сделала тот последний выстрел.

— ...

— Я участвую только благодаря определенному случаю и кое-кому, кого я знаю, но я уже завязла глубоко. Если ты хочешь передумать, Саяма, то это твой последний шанс. И еще...

Казами опустила свой «ручной пистолет», подхватила Изумо за руку и начала отдаляться.

— Э? Мы уже уходим? — спросил Изумо, когда Казами начала тянуть его за собой.

Изумо лихорадочно замахал Саяме, и Казами посмотрела на него через плечо с горькой улыбкой. Пока она двигалась в сторону автомобиля USAT, замаскированного под грузовик для развоза пиццы, эта улыбка расширилась на полную.

Словно пытаясь дважды удостовериться, она произнесла:

— В общем, давайте вести себя в школе как обычно.

Затем она снова повернулась вперед. Находясь спиной к Саяме, она тянула Изумо за собой слева.

Наблюдая за их уходом, Саяма повернулся к Зигфриду.

Высокий пожилой мужчина тоже наблюдал за Изумо и Казами.

Вместо Саямы и Зигфрида следующим заговорил Ооширо Казуо.

— Она пыталась тебе помочь по-своему, Микото-кун. Казами-кун довольно любезна.

— Я с трудом понимаю, правда, зачем ей вести себя так скованно. Кстати, старик, ты никогда не слышал поговорку о том, что пожилым не следует вести себя так, словно они все еще молоды[□]Если проводить аналогию с русскими поговорками, то лучше всего подходит поговорка «Не к лицу бабке девичьи пляски».

Манера речи Саямы вызвала небольшую улыбку на губах Зигфрида.

— Такая знакомая манера речи. У меня не было особой возможности поговорить с Вами в школе, но похоже, Вы унаследовали более чем достаточно от характера Саямы. Вы действительно его внук.

— Вы зовете меня его внуком, но по факту я сын его приемного сына.

От этих слов улыбка Зигфрида приобрела горечь.

Эта горькая улыбка вызвала неожиданное давление в левой части груди Саямы. Он быстро осознал почему. Во время битвы Зигфрид отметил, что он бывший член Департамента Национальной Безопасности.

... Он наверняка знал моего деда.

По этой причине он решил сменить тему, задав Зигфриду следующий вопрос.

— Почему человек, уничтоживший 1-й Гир, работает школьным библиотекарем?

— Эта библиотека содержит документы, связанные с Концептуальной Войной. Когда UCAT делает запрос, я провожу исследования от их имени. Ранее я работал в качестве испытателя оружия в немецком UCAT, но...

Когда он затих, Ооширо закончил вместо него:

— Его способности просто слишком велики. В результате этого, они были не в состоянии определить чистую силу оружия. И девять лет назад, когда умер прошлый библиотекарь, мы попросили его вернуться в Японию после стольких лет.

— Значит, вы примете участие в Пути Левиафана?

— Я приму участие лишь в переговорах с 1-м Гиrom. Я не могу вмешиваться в остальное, — он слегка опустил глаза и произнёс следующее более тихо, — В конце концов, 1-й Гир — это единственный Гир, который я уничтожил.

Под деревом, освещаемым солнечными лучами, птенец хлопал крыльями на земле.

Прямо перед ним стояли Брюнхильд и черный кот.

Кот ринулся к птенцу и неистово оглянулся на девушку:

— Чт-чт-чт-что н-нам делать?! Эт-то просто ужасное положение! Что нам делать? Посмотри на бедняжку. Разве мы ничего не можем поделать? Можно я его съем?!

— Последним было то, что ты действительно думаешь? — спросила Брюнхильд с полуприкрытыми глазами перед тем, как присесть.

Птенец чирикал, повернув черную головку назад. Центр его белой грудки, подобно галстуку, покрывали черные перышки. Маленькие крылья, ударяющие о землю, отдавали синеватым, но по большей части были черными.

Он был маленьким, но обладал отличительной окраской почти выросшей птицы. Брюнхильд, присевшая на корточки, некоторое время неодобрительно на него смотрела.

— Мы не можем вмешиваться. Это закон природы. ...Гляди.

Кот и Брюнхильд посмотрели вверх. На одной из тополиных веток виднелся небольшой темный полукруг. То было птичье гнездо. Однако...

— Из гнезда не доносится голосов прочих птиц. Остальные дети и родители покинули это место. Этот, скорее всего, не может летать. Или сможет в будущем, но не может вспомнить как, или ему не хватает сил. Так или иначе, он не может летать сейчас.

— Ты так много об этом знаешь.

— Давным-давно я заботилась о раненой птице.

— Тогда почему бы не сделать это сейчас?

— Я не могу. ...Не смотри на меня так. Я сказала, что не могу, значит не могу. Этого не будет.

— Ну же, Брюнхильд. В этом нет никакого смысла. Ты сказала, что это закон природы, но ты нарушила его в прошлом, разве нет?

— Замолчи.

Брюнхильд потянулась, чтобы схватить кота за хвост, но он отскочил в сторону. Со слабым топотом шагов по гравию кот переместился за спину трепыхающемуся птенцу.

Девушка нахмурилась, и птенец перестал суетиться и чирикать, когда кошачья тень на него упала.

Брюнхильд вытянула руку.

— Пошли. Я направлялась в столовую. Я могу достать еды и для тебя.

— Это ничего. У меня есть еда прямо тут.

Брюнхильд со вздохом встала.

— Что ты делаешь?

— Ты зовешь это «законом природы», правда? Я голоден, и я хочу избавиться от стресса, что накопился за долгое время. ...Вот так это работает, правда?

— Прекрати, — произнесла Брюнхильд, ступив вперед на гравий. Когда она спросила, кот

отступил как можно дальше. — Что бы ты сделал, если бы меня здесь не было?

— Схватил бы его и съел. В точности как говорят мои инстинкты.

— Другими словами, у тебя останется такая возможность, если только я не буду стоять над этим птенцом, пока он не умрет с голода?

Она глянула вниз. Птенец перестал хлопать крылышками и посмотрел на Брюнхильд.

Он выдал тихий щебет.

— ...

Брюнхильд оставалась молчаливой, но кончики ее бровей слегка опустились.

Птенец зашевелился. Он слабо поднял тельце и показал его свисающие крылышки. Глядя прямо на нее, он чирикнул. Он чирикал снова и снова, не останавливаясь. Услышав это, Брюнхильд опустила глаза.

Ее плечи поникли и она вздохнула. Затем она обратилась к коту.

— Эм... Могу я?

— Конечно.

— Не отвечай «конечно», когда я даже не закончила говорить!!

— Это, может, и так, но... это поможет снять стресс?

— Да, — плечи Брюнхильд опустились, она занесла правую руку вверх и подняла указательный палец. — Ты знаешь, это большая ответственность. К подобному не стоит относиться беспечно.

—...Ты выглядела на удивление беспечной, когда взяла меня в фамильяры.

— Ох, закрой рот. Серьёзно,— буркнула Брюнхильд, снова присев на корточки.

Она потянулась рукой к птенцу. Тот на секунду засомневался, но, в конечном счете, ударил крылышками о землю и вскочил ей в ладонь. Он, похоже, чувствовал себя в безопасности в слегка свернутой ладони, потому что примостился на краю и тихонько защебетал.

Брюнхильд посмотрела вниз на птенца и пробормотала:

— Ну что ж, я все же это сделала...

— Ах, ох, ты нарушила закон природы! Тебе не следует этого делать, мисс Брюнхильд!

Она хотела как-то ответить, но ее рука была занята. Ей пришлось заскрипеть зубами и смутиться.

— Надо же, впервые в жизни я чувствую себя победителем! Отныне я буду тем, кт... воаааа!

Пнув кота под зад, Брюнхильд развернулась и ушла прочь.

Кот поспешил за ней.

— Что ты творишь?

— Столовая. Мне нужна еда для птенца и картонная коробка.

— А как насчет еды для меня?

— Как насчет того, чтобы подчиниться закону природы и словить крысу? Я могу познакомить тебя с хорошей канализацией.

Она проигнорировала недовольный взгляд на лице кота и перевела дыхание. Брюнхильд увидела, как в ее руке птенец щебечет и открывает свой клювик.

— Но мне действительно не стоило этого делать. Следовало оставить все на милость закона природы.

— Вот почему тебе нужно было позволить естественному зверю, как я, его съесть.

— Вообще, если подумать, то ты совсем не естественный зверь!

Под заходящим солнцем на восточной стороне Императорского Дворца стояли Ворота Сакасита.

На перилах моста, пересекающего ров, сидели Саяма и Синдзё. Они наблюдали, как замаскированные транспортные средства покидали территорию через ворота.

Казами и Изумо уже уехали на одной из замаскированных машин вместе с Зигфридом.

Sf получила небольшой ремонт и осталась в машине команды техобслуживания. Саяма припомнил, как она невозмутимо подхватила Ооширо Итару и отказывалась его отпускать, даже когда он сказал, что вернется самостоятельно.

Саяма ожидал Ооширо Казуо, что участвовал во встрече перед отходом. Он хотел поговорить со стариком про завтрашние предварительные переговоры с 1-м Гиrom.

Он повернулся к Синдзё и спросил:

— После этого ты возвращаешься назад, Синдзё-кун?

— Да. После того, как ненадолго выбралась по твоему совету, Саяма-кун. Я останусь, пока Ооширо-сан не прибудет сюда.

Саяма слегка поклонился и произнес:

— Благодарю.

— Ничего, это ничего. Я опять оплошала сегодня. ...Прости.

— Незачем извиняться. Всегда может понадобиться помощь после основного дела. Отправиться на передовую — это не единственный способ себя проявить. Разве не так?

— Наверное... но я правда была после этого полезной?

— Прошлой ночью ты позволила мне выспаться на коленях и научила меня многому после. Сегодня ты предупредила нас о надвигающейся опасности, и разговариваешь со мной сейчас.

Услышав это, Синдзё издала тяжелый вздох.

— Возможно, я не подхожу для подобного дела.

— Это не так, — сказал Саяма и припомнил, что он произнес нечто похожее прошлой ночью.

... Похоже, все заканчивается тем, что я только отрицаю ее слова по случаю.

Он более-менее понимал почему, но он не стал преследовать эту мысль.

Зайти слишком далеко означало связать себя с другим человеком.

Левая сторона его груди слегка заныла.

Он получил эту боль, когда потерял своих родителей, которые были глубоко с ним связаны.

Саяма глянул на Синдзё.

Она некоторое время сидела с опущенной головой, но затем...

— Слушай, — она медленно подняла голову. Ее смущенный взгляд повернулся к нему, и она наклонила голову, — Почему ты явился сегодня?

— Что ты имеешь ввиду? Ты столько всего мне вчера рассказала.

— Но ты по-прежнему не принял полномочия Пути Левиафана. После всего, что случилось вчера, ты не думал отступить сейчас, чтобы избежать дальнейшей опасности?

Саяма увидел, как Синдзё глянула на его левую руку.

— Почему?

Он знал почему. Но мог ли он сказать это так, чтоб ей стало понятно?

Вот этого он не знал.

Как необычно, пробормотал Саяма в своем сердце.

Год назад на небольшой площади в школе он участвовал в выборах вице-президента школьного совета, читал речи перед толпой учеников и победил. Но сейчас, перед лицом всего одного...

—...

Саяма осознал, что ему нечего сказать.

Он не имел понятия, сколько времени прошло с момента, когда Синдзё задала свой вопрос.

Но едва он взглянул на нее, то увидел, что она по-прежнему смотрит в его сторону с полуопущенными бровями.

Она ждала.

В ответ на ее ожидание он сделал неожиданное действие. Он поместил свою руку поверх руки Синдзё на перилах. Ее пальцы немного шевельнулись, но она не отвергла его прикосновения.

Саяма кивнул и спросил:

— Какое ощущение от моей ладони?

Синдзё почему-то опустила взгляд.

Саяма ощутил, как под его рукой ее пальцы мягко зашевелились.

Ее ответ был тихим и прозвучал в форме вопроса:

— Она горячая. И я могу чувствовать твой пульс?

— Это отголоски сегодняшней битвы. И...

Саяма продолжил в мыслях.

... Твой пульс и тепло с прошлой ночи отличаются от сегодняшнего.

Ее пульс был высоким, и в руке чувствовалась теплота, но все ощущалось как-то спокойнее и глубже.

Запомнив это различие, Саяма заявил:

— Я хочу получить нечто большее, чем это.

— Той битвы и всего, что ты сделал, недостаточно?

— Нет. И я стал задумываться... действительно ли нормально для меня братья за дело всерьёз.

— Почему? Почему ты не хочешь действовать всерьёз?

Саяма глянул на Синдзё. Ее лицо приобрело такое же извиняющееся выражение, как и прошлой ночью.

Невольно отведя от нее взгляд, Саяма ответил:

— Фамилия "Саяма" предписывает роль злодея. Этому меня научил дед... и я рос, чтобы претворить его слова в жизнь. Моя сила предназначена для того, чтобы использовать еще большее зло и раздавить всё, что я выберу злом или противником. Но, — он кивнул, — мне интересно, действительно ли мое зло необходимо. Я могу стать серьезным, если захочу. Однако сейчас я слишком опасаясь принимать это решение. Если все так и останется, я сомневаюсь, что долго протяну.

— У тебя... нет уверенности в себе?

Саяма затих на этом вопросе.

Но Синдзё не стала настаивать. Она лишь покачала головой и произнесла кое-что другое:

— Мне кажется, Саяма-кун, ты сможешь неплохо справиться. Но ведь и правда никто не знает, как всё может обернуться. Ооширо-сан и прочие зовут тебя с ними. Они просят тебя присоединиться, но говорят, что ты можешь умереть. И ты только что сказал, что боишься действовать всерьёз, — тихим голосом Синдзё направила свои слова Саяме, — В таком случае, может, тебе стоит отказаться от Пути Левиафана.

Саяма посмотрел на Синдзё.

Их глаза встретились, и ее пальцы немного напряглись под его ладонью.

— Э-эм, Саяма-кун. Честно говоря, наблюдать за тобой было немножко страшно. Когда я впервые тебя встретила, ты вступил в бой и пытался меня поддержать. И вот сейчас...

Саяма осознал, что боль в груди немного усилилась. Но, несмотря на это, он не стал убирать правую руку с ладони Синдзё. Он ощутил слегка влажную теплоту.

— Если я выйду на бой и проиграю — я умру. Если выйду на бой и одержу победу — я стану бояться себя и вызову ненависть у врагов... получается так? Но, возможно, именно этого хочет от меня USAT.

—...Э?

Саяма ответил вопросительному голосу.

— Если вся ненависть сосредоточится на мне, и затем я умру, мир станет более радостным местом, не так ли? И UCAT останется невредимым. Я не прав?

Синдзё слегка удивилась этой фразе. Но...

— Т-ты не можешь! Я не хочу, чтобы ты становился кем-то вроде этого! — вскрикнула она, подняв брови.

Едва ее звучный голос прошел сквозь его тело, Саяма задумался.

... Прекрасно, что ты рядом.

Затем Синдзё, похоже, поняла, что именно она произнесла, потому что ее взгляд приобрел замешательство, щеки покраснели, и она отвернулась.

Саяма не мог сдержать улыбку на губах.

В какой-то момент боль в его груди пропала. Подумав, как же это приятно, он заговорил:

— Ну, если ты скажешь, что собираешься умереть, я бы ответил то же самое, Синдзё-кун. И твои методы выглядят как способ самоубийства... по крайней мере для меня.

— С-серьёзно?

— Да. Когда тебе нужно стрелять — ты не можешь. Дабы сообщить мне об опасности, ты вышла на поле боя без оружия. Честно говоря, я удивлен, что ты до сих пор жива.

Синдзё встревожилась и застонала.

Она задумалась, пока из глубин ее горла доносился стон, но она по-прежнему не осознала определенный факт.

... Почему это мы оба до сих пор живы после того, как дважды участвовали в сражении?

Никто не мог дать ответ на вопрос Саямы. Однако стон Синдзё постепенно перерос во вздох.

Когда она к нему повернулась, ее черные глаза уставились прямо на него. Ее тонкие губы открылись:

— Может и так. Я думала об этом раньше. Я гадала, есть ли от меня какая-то польза, если я ввязалась в сражение только для того, чтобы отыскать родителей.

На этом девушка остановилась. Она потратила немного времени на то, чтобы подобрать необходимые слова.

— Саяма-кун, ты сражаешься для того, чтобы победить?

— Да, мой дед сделал всё для этого . ...Когда бы я не сражался, он постоянно говорил мне выигрывать достаточно, чтобы компенсировать потери. Он говорил мне брать на себя роль злодея и устранять то, что я видел как врага или зло.

Таковым было его отношение к сражению.

Но, подумал Саяма. Это не то же самое, что обладать уверенностью в моих способностях сражаться.

Когда Синдзё услышала его слова, она выдала быстрое замечание:

— Это удивительно, — начала она, — Как бы я хотела сказать что-то подобное... У меня нет четкой позиции, указывающей мне, как сражаться, подобно тебе.

— У меня нет источника уверенности в себе, чтобы поддерживать мои решения, подобно твоему поиску родителей.

Услышав это, Саяма тихонько промолвил:

— Мы противоположны друг другу.

Она выдала горькую улыбку. Ее ресницы опустились, и горькая улыбка углубилась.

— Мы действительно противоположны друг другу, — продолжила она. — Я всегда пытаюсь найти способ не становиться необычайно безрассудной, когда задумываюсь над тем, что мне делать. Мне хотелось бы стать сильнее, чтобы я могла лучше владеть собой.

Саяма задумался над словами Синдзё. После короткой паузы он произнес:

— Мы действительно противоположности, Синдзё-кун. Пожалуй, мне стоит держать это в уме.

— ...Э? Что ты имеешь в виду?

Синдзё удивленно наклонила голову.

Вместо ответа Саяма пошевелил правой рукой.

Он поднял левую руку Синдзё над перилами моста.

Ее пальцы были тонкими и мягкими. Саяма сложил вокруг них свою руку.

На секунду Синдзё попыталась освободить пальцы назад. Но Саяма слегка вонзил свои пальцы в плоть ее ладони.

— Ах...

Со слабым возгласом пальцы Синдзё напряглись.

Но в итоге она оставила лишь самый минимум силы в своих пальцах, согнула их и вверила руку ему. Она как будто пыталась отстраниться, но затем медленно сжала его руку в ответ.

Саяма ощутил в своей руке это небольшое единение силы. Он поднял глаза и увидел Синдзё с опущенной головой и взглядом, поднятым прямо на него. Когда их глаза встретились, ее плечи слегка задрожали, и она лихорадочно заговорила.

— Э-эм? Что ты хотел сказать... только что? Когда ты сказал, что будешь держать это в уме.

— Сущая мелочь, — произнес Саяма. — Твой взгляд на меня — это, определенно, альтернативный ответ, к которому я никогда не приду, даже если бы мне этого хотелось.

— ...Э?

— Тебе не стоит слишком глубоко над этим задумываться. Даже если мы полные противоположности, это не имеет значения до тех пор, пока мы об этом не волнуемся. Но...мне просто хочется помнить, что мы оба по природе своей надеемся на противоположное друг в друге. Что ты об этом думаешь?

— Что я думаю?.. Я не уверена, как на такое ответить.

Выражение лица Синдзё смешалось между улыбкой и беспокойством, но Саяма улыбнулся в ответ.

В тот же миг по пути от отбывающего замаскированного транспорта замахала фигура. То был Ооширо Казуо.

Саяма вздохнул и глянул на часы на левом запястье. Время подходило к четырем.

— Тебя зовет Ооширо-сан, — заявила Синдзё, словно в подтверждение.

Она поднялась с перил.

Саяма сделал то же самое и взглянул на нее.

Синдзё посмотрела на их переплетенные руки, опустила голову вниз и произнесла в землю.

— Эм, сегодня... когда ты вернешься к себе в общежитие... особо не удивляйся.

— Ты собираешься мне что-то прислать?

— Да, что-то вроде того. ...Я решилась только сейчас. Это наверняка заставит меня сильно волноваться, но я думаю, что должна.

— Я не знаю, что ты мне отправишь, но я с радостью это приму.

Услышав его ответ, Синдзё подняла голову. С все еще опущенными ресницами, ее лицо расслабилось и расплылось в улыбке.

В ее полуприкрытых глазах отражалось солнце, что в какой-то момент начало клониться к закату.

И пока этот свет наливался малиновым, они оба практически одновременно медленно разомкнули свои переплетенные пальцы.